

Лу Ян уставился на экран телефона, на мгновение задумавшись. Вспомнив о том, как утром Чжао И звал его поужинать, он медленно набрал сообщение:

«Извини, сегодня поужинать не получится, правда, прости».

Чжао И прождал вестей от Лу Яна весь день. Рассудив, что занятия в университете как раз подходят к концу, он решился отправить короткое напоминание.

Утром Лу Ян ответил неопределённо: «Посмотрю по времени». Ни твёрдого «да», ни чёткого «нет».

Однако, глядя на то, с каким отличным настроением тот уходил, Чжао И был почти уверен, что от ужина Лу Ян не откажется. Сложив папки с документами в ровную стопку, Чжао И поднялся из-за стола, снял со спинки кресла пиджак и едва заметно улыбнулся.

Если выехать прямо сейчас, получится проскочить вечерние пробки и оказаться у ворот университета как раз к выходу преподавателей.

Он привычным жестом накинул пиджак на руку. Белоснежная приталенная сорочка безупречно подчёркивала разворот плеч и подтянутую фигуру. Взяв со стола изящно оформленную коробку и молчаливый телефон, Чжао И уже собирался отпустить уставших за день сотрудников пораньше.

Но не успел он дойти до двери, как гаджет в руке коротко вибрировал. Пришло сообщение от Лу Яна: «Извини, сегодня поужинать не получится, правда, прости».

Чжао И нахмурился. Не получается — и ладно, но к чему извиняться дважды? Двойное извинение в одной короткой строчке заставило генерального директора Чжао нешуточно насторожиться.

Впрочем, хоть тревога и уколола сердце, расспрашивать он не имел права. Да и что бы ни стряслось у Лу Яна, с какой стати тому делиться с ним?

Он крутил в пальцах ленту подарочного пакета, чувствуя глухую досаду. Новую одежду снова не удалось вручить.

Впервые в жизни он купил человеку комплект одежды после совместной ночи — и надо же, никак не отдаст. Ещё немного, и сменится сезон, надевать эти вещи будет уже поздно.

В очередной раз подавив глупое желание выбросить коробку в урну и купить что-нибудь другое, Чжао И набрал ответ: «Что ж, ладно. Береги себя. Заранее спокойной ночи».

Взглянув на часы, он ухмыльнулся собственной глупости: едва перевалило за пять вечера. «Спокойной ночи»? И когда же тот, по его мнению, должен проснуться? Ну и дурак.

Он нарочно придал сообщению лёгкий оттенок сожаления — вдруг это хоть немного затронет душевные струны Лу Яна?

Оставшись без планов на вечер, господин генеральный директор вернулся к рабочему столу, снова повесил пиджак на спинку кресла, положил телефон под руку, засучил рукава и принялся за дела.

А ведь рассчитывал сначала уютно поужинать, получить свою порцию тепла, а уж потом со спокойной душой отправиться за документами. Вместо этого приходилось сидеть с тяжестью на сердце и уныло разбирать бумаги.

Экран телефона лежал на расстоянии вытянутой руки, но так больше и не вспыхнул.

Чжао И казалось, что Лу Ян мог бы хоть формально ответить «спокойной ночи». Иначе к чему было прощаться так рано, кроме как выставить себя идиотом?

Хотя, если честно, ему просто хотелось получить ещё хоть одну строчку.

Не дождавшись ответа, Чжао И быстро потерял всякий интерес к бумагам. Прежде, когда в его жизни никто не фигурировал, сверхурочная работа в одиночестве до глубокой ночи казалась абсолютно естественной. Теперь же, когда мысли были заняты одним конкретным человеком, катастрофически не хватало его присутствия.

Запоров собственную подпись в третьем документе подряд, он подхватил телефон, надел пиджак и решительно вышел из кабинета.

В голове навязчиво крутилось сообщение: «Извини, сегодня поужинать не получится, правда, прости».

Чжао И казалось, будто он сходит с ума. Почему-то в нём жила стойкая уверенность: Лу Ян сегодня даже не прикоснётся к еде. Возможно, за время их недолгих встреч он успел уловить нечто едва уловимое в его интонациях и жестах.

Он и сам не мог толком объяснить своё беспокойство... Но его искренне тревожила мысль, что тот останется голодным.

Два извинения...

Он до безумия въедливо разбирал эту короткую фразу, пока не понял: просто так отступить

он не сможет.

Ни отказ без единой причины, ни догадка о том, что у Лу Яна скверно на душе, не давали ему покоя.

Спустившись на парковку, заинтригованный и раздосадованный генеральный директор завёл машину и поехал прямо к преподавательскому корпусу, где жил Лу Ян.

Ещё перед выездом с парковки бизнес-центра телефон всё-таки вибрировал — пришёл краткий ответ от Лу Яна из двух слов: «Спокойной ночи».

У телефона имелся один досадный изъян: если сообщение приходило при включённом экране, аппарат не подавал вибросигнала. Второе сообщение Чжао И прилетело ровно за секунду до того, как Лу Ян заблокировал дисплей. Так как экран горел, телефон беззвучно принял текст, а Лу Ян, ничего не заметив, нажатием кнопки отправил гаджет в спящий режим.

В итоге он так и не увидел второго сообщения и не ответил на него.

А ведь секундой ранее Лу Ян как раз размышлял:

«Я отказался от ужина, даже не попытавшись придумать оправдание. Не обидится ли Чжао И на такую резкость?»

Все эти крупные боссы наверняка не привыкли к отказам и отличались отменным мелочным тщеславием. Ну и пусть обижается. В конце концов, они познакомились благодаря случайной связи. Хотя Чжао И и был ему отчасти небезразличен... ключевое слово здесь — «отчасти».

Изначально Лу Ян действительно собирался найти предлог и отменить встречу, но сухая прямота сработала ничуть не хуже, а тратить силы на лишние объяснения у него не было никакого желания.

Дорога пешком от университета до преподавательского корпуса заняла у него на полчаса больше обычного. Сам Лу Ян даже не заметил, насколько растянулся его путь.

По дороге он успел погладить по голове какую-то маленькую девочку и долго наблюдал за тем, как кто-то выгуливает собаку.

Они с Чэн Синь прожили в браке пять лет, но детьми так и не обзавелись.

Лу Ян считал, что пока карьера не встала на ноги, заводить ребёнка слишком рано. А Чэн Синь... просто не нагулялась.

Она была на три года младше него, и веселье притягивало её куда сильнее, чем семейный уют.

И хотя детей у них не было, они держали собаку. Лу Ян пять лет души в ней не чаял, любил как родное дитя, но после развода Чэн Синь забрала пса себе.

«Даже собаку не смог удержать, — подумал он с горькой ухмылкой. — Вся первая половина жизни — сплошная неудача».

Вернувшись в квартиру, Лу Ян глянул на часы и только тогда заметил пришедшее сообщение от Чжао И. Это слегка удивило его, но в душе ничего не откликнулось.

Решив, что Чжао И не прочь провести вместе время ради очевидных радостей, Лу Ян сухо отписал «Спокойной ночи», после чего умылся и забрался под одеяло.

На душе было скверно и муторно. В холодильнике стояло пиво, и ему на мгновение захотелось выпить, но он так и не поднялся.

Лу Яну всегда казалось, что попытки топить тоску в алкоголе выставляют человека жалким, будто он нарочно демонстрирует свои страдания окружающим.

Ему не было больно... и зрители ему не требовались.

Что бы ни случилось, достаточно просто хорошо выспаться, и всё пройдёт.

Пытаясь ускорить приход сна, Лу Ян стал вспоминать самые беззаботные годы своего юношества. Стоит только уснуть, и дурные мысли отступят.

В его воспоминаниях родители были простыми деревенскими тружениками. Семья с двумя мальчишками едва перебивалась с хлеба на воду.

У Лу Яна был старший брат по имени Лу Хай. Погодки, они разнились всего на год, и родители, ради удобства, отдали их в один класс.

С учёбой у Лу Яна никогда не возникало проблем — до самого выпуска из школы он стабильно держал первое место в успеваемости.

Лу Хаю науки давались куда тяжелее. Окончив девятилетку, он закатил скандал, не желая учиться дальше, и родителям стоило немалых трудов уговорить его кое-как дотянуть до конца двенадцатого класса. В университет он, разумеется, не поступил: пока Лу Ян грыз гранит науки, старший брат отправился работать на стройку.

В деревне женились рано, едва парням исполнилось восемнадцать-девятнадцать — словно спешили избавиться. Уехав на учёбу, Лу Ян этого не ощущал, а вот к Лу Хаю свахи приходили одна за другой.

Оба брата росли статными, красивыми парнями, и даже когда Лу Хай уезжал на стройки, сватовство в их доме не утихало.

Парней в округе рождалось больше, чем девушек, а Лу Хаю после школы уже стукнуло девятнадцать, отчего родители не находили себе места.

Расходы росли: младшего нужно учить, старшему — справлять свадьбу и собирать выкуп. Наблюдая, как скромные сбережения тают на глазах, родители окончательно поддались панике.

Именно тогда, на втором курсе университета, Лу Ян и узнал тайну своего происхождения.

Сколько он себя помнил, родители никогда не обделяли его любовью. Тяжёлую работу по дому и в поле чаще поручали Лу Хаю — ведь Лу Ян был младшим, а младшим, по словам родителей, полагалось уступать.

Новость обрушилась на него как гром среди ясного неба.

Не будь маленький Лу Ян столь упрям и горделив, родители никогда бы не открыли правду.

Однако старший брат избаловал его сверх меры, и если бы юноше запретили учиться дальше, он перевернул бы весь дом вверх дном.

Узнав, что он приёмный, Лу Ян не стал устраивать сцен. Дома он безропотно помогал по хозяйству — поливал огород, опрыскивал посевы, а когда пришла пора возвращаться к учёбе, взял деньги на дорогу и тупиковые взносы, которые Лу Хай тайком сунул ему в карман, и сел на поезд.

Сумма была крошечной — её едва хватило на семестр. Вернувшись в общежитие, он занял у Линь Юэ пять тысяч юаней и брался за любую подработку, учился содержать себя сам.

Сейчас, лёжа в темноте, Лу Ян воскрешал в памяти только светлое: как они с Лу Хаем поливали грядки, ловили бабочек, собирали жуков.

Думать об этом было легко и приятно. Всё остальное отдавало такой горечью, что разум сам, без принуждения, отсекал тяжёлые воспоминания.

<http://bllate.org/book/20700/2108829>